

Валентина Телухова

ШУРШАЛИ ГОЛУБИ НА КРЫШЕ

Валентина Телухова

Шуршали голуби на крыше

«Издательские решения»

Телухова В.

Шуршали голуби на крыше / В. Телухова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857193-0

В семье карликов подрастает маленькая девочка. Она считается их дочерью. Только став взрослой, героиня романа узнает, что они не настоящие её родители. Ей открывается тайна её жизни. Неожиданная встреча любимого заставляет её перенести душевные страдания и муки, но она находит свою дорогу в жизни, вопреки всему. Подлинная картина жизни деревни 60—70 годов прошлого века показана в романе с большой достоверностью. Чтение романа будет интересно широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-44-857193-0

© Телухова В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая. Странные люди	6
Глава вторая. Жених	12
Глава третья. Новое дело	18
Глава четвертая. Неприятности	20
Глава пятая. Преодоление	26
Глава шестая. Трудовые будни	28
Глава седьмая. Катастрофа	30
Глава восьмая. Выход из сложной ситуации	33
Глава девятая. Тайна	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Шуршали голуби на крыше

Валентина Телухова

Редактор Марина Кулакова

© Валентина Телухова, 2017

ISBN 978-5-4485-7193-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая. Странные люди

Деревня называлась Кудринка. Она стояла на берегу речушки с таким же названием. У реки не было крепких берегов, которые бы направляли её потоки, поэтому она позволяла себе «капризничать»: часто меняла своё русло и причудливо извивалась. Вокруг неё и по правому, и по левому берегу было множество озёр, которые прежде были её старым руслом и назывались – «Старицы».

Легкомысленная речка по каким-то неведомым причинам чаще всего весной прокладывала себе новый путь, как будто за зиму она забывала прежнюю дорогу. За одну ночь Кудринка смывала целые огороды и радостно подбиралась иногда прямо к порогам домов. И были случаи, когда дома приходилось переносить на новое место.

Кудринка раздваивалась на рукава, образуя островки, потом сливалась в один поток, журчала на перекатах, играя камешками, застаивалась в глубоких омутах, принимала родники и ручейки, и становилась к устью полноводнее.

И рыбка в речке водилась, и ребятня плескалась летом, а вечерами приходили искупаться и взрослые, а в период освоения Амурского края была она водной дорогой для первых переселенцев.

В том месте, где была расположена деревня, речка выгибалась дугой, и единственная улица повторяла её изгиб. В центре деревни была площадь, на которой стояло главное здание села – бревенчатый несуразный клуб барачного типа с печным отоплением. Чуть в стороне за клубом была ферма крупного рогатого скота на сто голов, рядом с ней – телятник. Здание фермы и здание клуба были так похожи друг на друга, что было непонятно, то ли ферму разместили в бывшем клубе, то ли клуб – в здании бывшей фермы.

В центре села на этой площади стоял скромный памятник, за которым жители деревни бережно ухаживали. Пирамидку сложил печник дед Ефим, поэтому она и походила на печную трубу. Она была помазана глиной и побелена, обсажена кустами, обнесена железной изгородью. На пирамидке была прикреплена табличка, на которой значилось, что летом 1921 года на этом месте были расстреляны революционеры. Далее перечислялись имена троих погибших, а четвертое имя названо не было, просто написано было внизу: «И один неизвестный».

С детских лет знали все деревенские жители эту печальную историю. Пришли неожиданно каратели в деревню, застали партизан, которые укрывались в деревне, врасплох и казнили без всякого суда и следствия. Хоть и не разрешали каратели хоронить погибших, но кудринцы угроз не побоялись, захоронили их тайно на кладбище, а могилку с землей сравняли.

Потом, когда началась мирная жизнь, насыпали холм над братской могилой и стали ухаживать за ней, а на месте гибели поставили памятник.

За деревней на север была марь – огромное труднопроходимое болото, через которое не было дороги, но в западной стороне были просторные поля – настоящая радость для хлебороба. С юга деревню подпирали сопки. В некоторых местах река подходила к ним так близко, что едва оставалось место для дороги, которая ниточкой вилась вдоль них. За рекой тоже были поля, но принадлежали они другому хозяйству.

Кудринка была в стороне от больших дорог, но жила одним дыханием со всей страной. Звучало радио. Огромный серый репродуктор висел на столбе возле клуба, и в шесть часов утра, когда доярки уже подоили коров, и молоковоз повез удой в районный центр на молочный завод, а телятницы напоили телят теплым молоком, когда трактора уже отшумели за околицей

и начали работу в полях, проснувшееся радио радостным голосом московского диктора проносило: «Доброе утро, товарищи! Начинаем утреннюю гимнастику!»

«Закончили уже!» – шутила Надежда Степановна – бригадир животноводов. А диктор не унимался. Он предлагал делать круговые движения руками, ставить руки перед грудью и махать ими в разные стороны, присесть и кланяться и завершить все бегом на месте.

Бедные горожане! Это же надо же, им на месте бегать предлагали! А кудринцам было куда сбегать «на живой ноге», как говорила бабушка Фленушка: хоть на речку, хоть на верхние озера, хоть в лесок!

Вечерами шли телевизионные передачи, и в каждом доме были черно-белые телевизоры. В программе «Время» дикторы рапортовали о том, как прекрасно живет и трудится страна. В деревне и в самом деле неплохо жилось. При клубе была небольшая библиотека, а фильмы демонстрировались в нем каждый день. Жители села – полеводы и животноводы добросовестно трудились на ферме, на телятнике, на зерновом дворе, на обширных пашнях. Дети учились в школе, которая размещалась в пристройке к клубу.

Школа была начальная и малокомплектная, в одной классной комнате под руководством одного учителя занимались ребяташки с первого по третий класс. Учительница в селе не жила, а каждый день приезжала на школьном автобусе, который забирал старшеклассников в соседнее село на центральную усадьбу в среднюю школу.

Ранним утром в деревню ежедневно приезжал ещё один автобус – рейсовый и разворачивался возле клуба. Он увозил всех желающих в районный центр, а в четыре часа дня он делал второй рейс, и возвращал кудринцев домой.

Каждую весну в село приезжали переселенцы. Народ был всякий, приживались редкие, нравы в деревне были строгие, пьянство считалось делом зазорным. Всеми делами в селе распорядился управляющий вместе с бригадиром и заведующей фермой.

Управляющий себя не возвеличивал, бригадир и заведующая фермой тоже были люди скромные. Сама себя возвеличивала и считала себя первым человеком в деревне, самым важным и значительным Мария Михайловна. Начальник узла связи. Именно так она себя называла.

Это в других деревнях человека с почтовой сумкой называли почтальоном или почтаркой, а Мария Михайловна такой вольности не допускала. Отдельного здания у почты в селе не было. Мария Михайловна всех обслуживала на дому. Летом она никого во двор не пускала, а если кому нужно было отправить перевод, посылку, то бланки они заполняли на чистой, гладкой, отмытой и выскобленной деревянной крышке, которой была накрыта бочка с дождевой водой, стоявшая за двором. Деньги и заполненные бланки, посылки передавали через забор, а письма опускались в почтовый ящик, который горделиво висел на столбике возле дома.

Зимой Мария Михайловна посетителей пускала во флигелек во дворе, который отапливался всю зиму, но почему—то назывался летней кухней. За почтой начальник узла связи ездила на центральную усадьбу каждый день на лошади, которую летом запрягала в телегу, а зимой – в сани. По деревне почту она не разносила, она приучила всех жителей за почтой приходиться к её двору. Она устраивала выдачу всегда вечером в одни и те же часы, и по такому случаю летом надевала почтовую форму черного цвета с медными пуговицами, которую ей когда-то давным-давно выдали. Форму затем отменили, но Мария Михайловна не нашла в себе силы расстаться с такой красотой, поэтому носила её бережно и осторожно много-много лет и в клуб одевала по праздникам. Зимой она распахивала полы куртки, чтобы все видели, что она в форме, а значит при исполнении своих обязанностей.

Замечательных людей в деревне жило много, и каждый человек был на виду, и о нем волей или неволей знали всё, потому что родился он здесь и вырос, потому что женился, и сам стал детей растить, потому что кому-то он здесь был брат, кум и сват. А если он человек при-

езжий, то о его прежней жизни узнавали из нечаянных слов, разговоров, из слухов. А что не знали, то домысливали.

Когда в Кудринку приехали эти маленькие люди и привезли с собой годовалую девочку, все решили, что не может быть, чтобы её отец и мать были настоящими кровными родителями девочки. Ну, не могла такая маленькая женщина стать матерью! И не мог такой маленький, похожий на ребенка мужчина стать отцом!

Издаലെка приезжие были похожи на детей, но у них были лица взрослых людей. Печальные лица. И эта печаль в их глазах вызывала сострадание. Как им жить в этом мире, где все предметы им слишком велики? До выключателя даже трудно дотянуться, не говоря уже обо всем другом.

Они купили себе заброшенный домик, а на время поселились у соседки Марии, и сразу все, кто мог, пошли помогать новоселам устраиваться на новом месте и потихоньку расспрашивать: кто они, откуда, почему не по переселению приехали, а за свои денежки? Надолго ли в эти края?

На все вопросы Алексей Алексеевич и Ольга Алексеевна отвечали неохотно, но твердо говорили, что приехали они сюда навсегда. Были Колосовы все на одной фамилии, в свидетельстве о рождении девочки было написано, что она – Зинаида Алексеевна, значит и правда, этот карлик был её отцом!

И хотя были в деревне в это лето новости и погорячее: суматошная Валентина вышла замуж за Антона, но со свадьбы сбежала, и ни к другому, а просто так, застенялась бедная и где-то скрывалась. И молодой муж её искал повсюду, а деревня жалела его.

– Бедный парень! Вот и женился уже, а все живет один, без всякой радости! – вздыхали мужики вечерами на скамейке.

Так и вспоминали потом этот год по двум этим событиям.

– Постой-ка, да в каком году это было? Это же было, когда махонькие к нам в деревню приехали, а от Антона Валентина со свадьбы сбежала.

– Это же какая Валентина? Та, у которой пятеро детей?

– Она самая. За речку к тетке скрылась. Застеснялась так сильно! А сейчас не стесняется! Пошло дело! Уже пятеро на руках! Да какие детки золотые!

Мужики многозначительно хмыкали и переходили в разговорах на другие темы.

Все было в деревне размеренным и чуть замедленным, и только речка торопилась куда-то из года в год.

Маленьким людям помогли устроиться на новом месте. Электрик Костя перенес им выключатели и розетки пониже, а возле колодца во дворе их дома сделала приступочки, чтобы они могли легко им пользоваться, и устроили колодезный журавль с маленьким противовесом, чтобы им легче было воду доставать. Дом внутри подремонтировали, отмыли. Хотели побелить, но новые хозяева воспротивились. Они сказали, что от чистого дерева больше света исходит. От прежних жителей в доме осталась плохонькая мебель, да утварь. Управляющий разрешил взять кровати со склада. Жить было можно!

Колосовы весной посадили огород, заложили сад, развели птицу и стали держать коз и зажили в трудах и заботах. Ребенка нужно было молоком поить, а с коровой хозяевам не справиться! Хоть и козы у них были такими противными, лазили везде и досаждали всем соседям, никто и слова не сказал в осуждение! Живи сам и давай жить другим – таков был главный принцип кудринской жизни.

Алексей Алексеевич стал работать сторожем на ферме, а Ольга Алексеевна вначале оставалась дома, потому что работы по силам ей не нашлось, да и за ребенком уход был нужен. А через некоторое время она стала заведовать клубом и с работой справлялась. Она прекрасно танцевала, а её муж показывал цирковые номера на профессиональном уровне и не только

показывал, но и учил всех желающих этому увлекательному делу. Цирковой кружок при клубе славился на весь район!

Уже через год эти странные люди стали в деревне вполне своими. Все вокруг перестали замечать их маленький рост и называли только по имени отчеству.

Управляющий заботился о семье и помогал им с заготовкой сена на зиму, а в деревне все его действия одобряли, и все помогали семье Колосовых также ответственно, как одиноким старикам и пенсионерам.

Управляющий Матвей Иванович не был старожилом в селе, он стал управляющим после Ивана Максимовича, который ушел на пенсию. Матвей Иванович приехал сюда по распределению после института молодым человеком, и стал работать механиком на отделении совхоза, но остался здесь надолго и стал самым уважаемым человеком в деревне. Он никогда не повышал голоса, он все делал тихо и осторожно, а распоряжения свои делал в странной форме.

– А хорошо бы нам сегодня начать боронование по всходам, – тихо говорил он на утренней летучке, на которой обсуждался план работы на день.

Мужики сидели на длинных скамейках под навесом возле маленькой прокуренной конторы и выжидали, когда будут сделаны распоряжения. Управляющий ни к кому не обращался конкретно, смотрел куда-то в сторону, но все понимали, что он просит совета. Если с ним соглашались, то так и поступали. Если старые механизаторы говорили, что еще рановато, и соя корнями в землю мало проросла, Матвей Иванович менял свое решение.

Он никогда не бранился, никогда не говорил плохих слов, относился ко всем уважительно. Его любили все деревенские жители и признавали его начальствующее положение, хотя Матвей Иванович начальника из себя не ставил. Любили и жалели его ещё и потому, что у него был сын Петя, и он был ребенком, вечным ребенком.

Маленькая девочка в семье Колосовых, черноглазая и черноволосая, кудрявая Зина на приволье росла и подрастала такой милой и послушной, такой ласковой и приветливой, что мимо неё никто не мог пройти, не сказав ей доброго слова. И звали её не иначе, как Зиночкой.

В деревне все-таки ходил недобрый слух о том, что карлики-родители Зиночку украли или купили за деньги у какой-нибудь плохой матери, цыганки, например, и уехали на край света. Уж больно маленькая Зиночка на цыганочку похожа была! Но она была похожа и на свою маму Олю тоже!

Однако слухи эти ходили-ходили, и дошли до высокого начальства, и однажды возле дома Колосовых остановилась милицейская машина, и из неё вышел строгий участковый милиционер, зашел в дом и потребовал предъявить свидетельство о рождении девочки. Он долго его изучал, даже почему-то посмотрел на свет и пришел к выводу, что свидетельство подлинное, а разговоры по селу – пустые. А после его ухода Зиночкиной маме стало плохо, она обняла свою дочурку и заплакала, а отец обнимал их обоих и говорил, что никому никогда и ни за что он малышку не отдаст и в обиду не даст. И никто никогда её у них не отнимет.

Никто и не отнял. Зиночка очень быстро переросла своих родителей и уже в третьем классе была выше их. С детских лет Зиночка привыкла к тому, что она в семье – самая большая.

– Зиночка, помоги мне! Мне одному не справиться! – звал её отец.

– Зиночка, помоги, мне одной не справиться! – окликала мать.

Зиночка помогала поднять чугунок на печку, сдвигала ворошок сена в огороде и везде справлялась, «сдюживала», как на украинский манер говорила приветливая соседка баба Маша. Зина так привыкла к тому, что она в семье самая сильная, что родители постоянно нуждаются в её помощи, что даже в школе никогда не оставалась после уроков, а спешила домой.

– У меня родители там одни, я спешу!

– У всех родители дома, но никто так домой не рвется, как ты, – говорили ей учителя.

– У всех родители большие, а у меня маленькие. Они у меня даже воду из колодца с приступочки достают. Им без меня никак не справиться. А коза Катька не слушается папу и не даёт

ему спокойно в хлеву почистить. А меня слушается! Потому что папа у меня маленький, а я – большая!

Спорить с Зиной было невозможно, она показывала свою несговорчивость тем, что вставала в позу: подбоченивалась, смотрела исподлобья своими черными жгучими глазами очень сердито, а её смоляные кудри придавали ей какой-то самурайский вид, и последнее слово всегда оставалась за ней.

Зиночка в школе была примерной ученицей, а родители так радовались каждому её успеху, что в школе аттестат девочка получала самой первой, потому что в нем не было не единой троечки. А дальше учиться она наотрез отказалась.

– Я остаюсь в деревне. Я вас не брошу. Как вы без меня? Вы без меня не справитесь! Буду тебе, мама, в клубе помогать, буду за тебя, папа, дежурить, когда тебе нездоровится, а там, может быть, работу себе найду здесь!

Работа нашлась неожиданно. Мария Михайловна с работы уволилась и уехала в город к дочери нянчиться с маленькой внучкой. Рассталась она с деревней, где родилась и выросла и прожила всю свою жизнь, и с любимой работой со слезами на глазах, потому что проработала почтальоном в деревне больше сорока лет. В последний день своей работы она лично сама разнесла почту и поклонилась каждому дому и всем деревенским улочкам. А её шестидесятилетние подружки сидели на скамеечках за воротами и прощались с ней легко, чтобы она не тосковала и прижилась на новом месте.

Дела почтовые Мария Михайловна передала Зиночке и ещё целую неделю учила её почтовым премудростям, давала советы и наставления, потом писала ей письма из города с новыми наставлениями. Все почтовое имущество она тоже передала по акту, а потом тихо спросила Зину, не нужна ли ей и форменная одежда? А когда выяснила, что Зиночка от форменного пиджака отказывается, пожилая женщина облегченно вздохнула и упаковала его в чемодан.

Зиночка почтовые порядки в деревне поменяла. Она отдала в совхоз и лошадь, и сани, и телегу и теперь зимой ездила за почтой на школьном автобусе, а летом – на велосипеде. А вскоре почту стали доставлять почтовые машины. Газеты, журналы и письма Зина разносила сама. Возле каждого дома на заборе красовался почтовый ящик. Некоторые ящики для нерадивых хозяев сделал Алексей Алексеевич сам, и сам же прибил их на нужных местах. Обслуживала свой участок доставки Зиночка мгновенно. Она не останавливалась возле каждого дома, но с каждой хозяйкой вступала в разговор.

– Здравствуйте! Как живете? Писем Вам нет! Пишут! Чернила в бочке разводят! Читайте газетки! – проходя мимо двора, громко кричала Зиночка, даже тогда, когда хозяев не было видно.

– Заполошная, ох и заполошная! – говорили о ней с улыбкой. И долго смотрели из окон вслед молодой, стройной, черноволосой и кудрявой темноглазой девушке, которая не шла, а почти бежала по широкой деревенской улице.

А старенькая бабушка Груша, которой было столько годков, что она устала их считать, качала головой.

– Ангел, ну чистый ангел!

И хотя внешне Зиночка на ангела была мало похожа, старушка видела сердцем, а не глазами. Она имела в виду ангельскую доброту молодого почтальона.

Осиротела Зиночка в один год. Фельдшерница сказала, что такие маленькие люди живут не так долго, как все. Подкосила их эпидемия гриппа.

– Теперь в город поезжай, учиться поступай! – говорили все Зиночке.

– Никуда я не поеду от родных могил. У меня ведь никого на свете нет. Я даже не знаю, есть ли у меня родственники? Нам никто не писал, мы никуда не писали. Я расспрашивала у мамы с папой о тех местах, откуда они родом и где я родилась, но они всегда отмалчивались. У меня и подружки все разъехались и мальчик, который мне в школе так нравился, тоже уехал,

я совсем одна осталась. Деревня теперь моя семья, а её жители – все мои родственники. Да и работа моя мне по душе! Нравится мне моё почтовое дело!

И опять Зиночка зашагала по селу, и каждый день то в одном краю села, то в другом звучал её чуть погрузневший голос.

– Здравствуйте! Как живете? Читайте газетки, а письма вам пишут! В другой раз непременно принесу!

Двери Зиночкиного дома всегда были открыты для посетителей, и обслуживала она всех не за двором, и не у порога, а приглашала в дом. Она была со всеми приветливой и доброжелательной, но особенно дружила со своими соседками.

Справа от неё жила баба Паша Полякова, которая тоже осталась одна недавно, а баба Маша Криницкая – другая соседка, уже лет десять жила вдовой. Соседки дружили между собой, но были полными противоположностями друг другу.

Баба Маша была высокой, стройной, крепкой женщиной с громким голосом и размашистой походкой. Зимой и летом она ходила в суконной юбке, и только меняла зимние свитера собственной вязки на летние кофточки. Она с утра до вечера покрикивала на всех, кто попался ей под руку. На кота, на собаку, на кур в огороде, на домашнюю скотину в пригоне. Вокруг неё везде и всюду были шум и суета.

Дед Ефим побаивался её и называл атаманом. Он по неосторожности занял у неё на выпивку год назад небольшую сумму, и все никак не мог отдать. При встрече Мария Ивановна хватала его за воротник, встряхивала, потом, придерживая рукой, чтобы он не скрылся, на всю деревню объясняла ему, что деньги ей с потолка не падают. А дед Ефим называл покойного мужа Марии Ивановны страстотерпцем, прожившем с такой змеюкой десятки лет.

– И как он только с тобой жил?

– Счастливо!

Мария Ивановна после таких слов умолкала, отпускала деда на все четыре стороны, уходила домой и долго сидела в горнице одна, глядя на красивый портрет дорогого своего Степана. Все тридцать пять лет счастливой семейной жизни он был Марии и мужем и другом. Даже интересы у них были общие. Мария была хорошим рыбаком и знала все тонкости и премудрости этого дела даже лучше, чем некоторые мужчины. Дети и внуки навещали её регулярно, звали к себе, но она на переезд не соглашалась.

– Я так привыкла к тому, что речка за огородом журчит, что и не представляю, что я без неё делать буду. Летом натрудишься в огороде, да сразу в речку. Усталость как рукой снимет! Да и рыбалить я люблю! Все рыбные места на речке знаю! – говорила баба Маша, – а с лодкой резиновой управляюсь лучше всякого мужчины.

Прасковья Терентьевна была ровесницей Марии Ивановны, и на этом их сходство заканчивалось, потому что соседка была невысокого роста, полненькой, маленькой, круглой и подвижной женщиной. К тому же она считалась самой умной среди своих ровесниц и подруг.

Прасковья перечитала все книги в клубной библиотеке и регулярно ездила в библиотеку на центральную усадьбу. Она читала книги в любую свободную минуту, хорошо разбиралась в отечественной литературе, знала и любила зарубежную классику. Говорила она плавно и выразительно. Она была знатной стряпухой. Тесто её «слушалось».

– Я утром встаю, сразу на крылечко выхожу и вижу перед собой огород, речку за ним, за речкой перелесок, а вдали поля! Солнце встает, птицы поют, небо голубое над головой! Мне так этот вид радует душу, что и передать нельзя! – говорила баба Паша.

Противоположности сходятся. Осанистая баба Маша с тяжелой седеющей косой, которую она короной укладывала вокруг головы, с бескомпромиссным характером рядом с бабой Пашей, румяной, голубоглазой и тихой женщиной тоже притихала, всегда просила у неё совета, всегда поступала так, как советовала подруга, и никогда не жалела о сделанном. В главных ответах на вопрос: «Что такое хорошо, а что такое плохо» – у соседок было полное единодушие.

Глава вторая. Жених

– У меня не соседки, а настоящий клад. А баба Паша так красиво говорит, что заслушаешься. Я где-то читала, что каждое место, где живет человек, заслуживает того, чтобы быть воспетым! И везде живут люди, которые способны это сделать!

Соседки заботились о Зиночке наперебой. Они её угощали и стряпанным, и вареным, ходили с ней летом в окрестные леса по грибы и к дальней мари за ягодой голубицей. Они даже стали приискивать для неё жениха, потому что справедливо решили, что девятнадцатилетней Зиночке он очень нужен, хоть далекий, хоть воображаемый, потому что без любви девушка будет сохнуть. Поэтому баба Маша написала внуку письмо в армию, в котором изложила свою деликатную просьбу: найти хорошего паренька среди своих друзей, согласного переписываться с Зиной. Парень должен быть видным, со спокойным характером, уважительным и самостоятельным человеком.

Сам внук на роль жениха не подходил, потому что был, по выражению самой бабы Маши, «большим охотником до женского полу», и успел до армии жениться и ребенка завести, видно, в отца пошел. А так, как с этим псом мужского пола живет больше двадцати лет её любимая доченька, врагу не пожелаешь. Хоть и внучек у неё был на загляденье красавцем, в бабушку пошел. Высокий, стройный, сильный и легкий в движениях, а вот нутро отцовское.

Внук с задачей справился, и Зиночка осенью получила письмо от «незнакомого друга». Она ответила. Завязалась оживленная переписка, и дело дошло до того, что Зина стала открывать в письмах свою душу, рассказывая Олегу о своих мечтах и надеждах. А к Новому году она даже послала в далекое Приморье на подводную лодку другу письмо со своим первым заочным поцелуем. Так и написала в конце письма, вместо обычных слов прощания – «целую, Зина».

Зиночка на заботу соседок заботой и отвечала: помогала огороды обрабатывать, солить разносолы, белить дома к праздникам, ходила на рыбалку с бабой Машей, по ягоды – с бабой Пашей. Вместе с ними радовалась их радостям и делила с ними печали. Если нужно было, она вызывала фельдшера, приносила хлеб из магазина, топила печки и приносила воду и дрова, кормила скотину.

– В единстве наша сила! – шутили старушки, а потом добавляли, – и в нашей Зиночке!

Зиночка доставляла почту всем, даже бабушке Варваре, которая жила на отшибе. Так случилось, что муж Варвары вернулся с войны и решил для семьи своей новый просторный дом построить. А место для дома выбрал необычное. Гряда сопок у Кудринки кончалась, но одна из них возвышалась отдельно от других. Как будто бежали, бежали сопки наперегонки друг за другом, бежали цепочкой, а одна вырвалась чуть вперед, да так и остановилась по команде «замри». Вокруг одинокой сопочки были овраги и овражки, сама она лесом поросла, а макушка у неё была ровненькой и гладенькой.

– Место для постройки ты ладное выбрал, а как же ты туда попадать будешь? – спрашивали Ивана.

– А я овраг ликвидирую.

И стал солдат строить маленькие плотины и запруды, стал колышки в землю забивать да ивовыми прутьями их оплетать, а стенки оврага лопатой потихоньку обваливать.

За три года от оврага и следа не осталось, а склон, покрытый дерном зазеленел так ярко, что виден был издалека. Только с колодцем пришлось помучиться. Такого глубокого колодца не было нигде во всей округе. Новый дом возвышался над деревней и радовал всех своим опрятным видом. Вот только солдат недолго прожил на свете. Догнали его старые раны. Оставил он после себя побежденный овраг, новый дом, да четверых сыновей в нем под присмотром своей дорогой Варвары. Поднялись мальчишки да разъехались по свету, а Варвара осталась.

Через десятки лет запруды сгнили, плотины разрушились, вновь появился овраг и с каждым годом он становился все шире и глубже. На Варварино подворье можно было проехать только окружной дорогой, а это почти пять километров. Сама Варвара приходила в деревню раз в неделю с небольшой коляской, набирала продукты, навещала подруг и возвращалась в свой «Варварин хуторок».

Никто к Варваре в гости не ходил, а Зиночка трижды в неделю доставляла ей почту самым странным образом. Проходил как-то в деревне районный слет туристов. Над оврагом его организаторы натянули два троса, прикрепив их к деревьям с той и другой стороны – полосу препятствий для туристов. Спортсмены уехали, а натянутые над оврагом тросы остались, потому что Зинаида упростила туристов их не снимать, и теперь ловко перебиралась по ним на ту сторону, на «Варварин хуторок».

Она старушке и хлеб свежий стала приносить, и продукты, и поручения выполнять самые разные.

– Оборвешься, Зинаида! – предостерегали её соседки.

– Я легонькая! Не оборвусь! А высоты не боюсь совсем.

А все-таки оборвалась. Да зимой, да в лютый мороз, да как раз на середине пути. Если бы оборвался нижний трос, Зиночка бы повисла на руках и выбралась, но лопнул трос верхний, она не удержалась и рухнула на дно глубокого оврага.

Спасло Зиночку то, что обильный снег, скопившийся на дне оврага, смягчил удар, но Зиночка на доли секунду все-таки потеряла сознание. Она пришла в себя и стала понемногу пробовать двигать руками и ногами. Переломов не было. Тело было в ссадинах и ушибах, потому что под снегом был валежник, и острые палки сильно поцарапали её даже через теплую одежду. Было очень больно, но руки и ноги слушались. Как хорошо, что свою сумку в путешествии над оврагом Зина никогда не брала, а оставляла под кустиком. Газеты и письмо лежали в кармане и были в целости и в сохранности.

Зиночка осмотрелась. Отвесные стены оврага уходили вверх вертикально. Выступающие корни сосны были очень высоко, и до них нельзя было дотянуться. Ну, хоть волком вой! Зиночка заплакала.

– Мамочка, папочка! Помогите мне! Не дайте пропасть! Олег! Где ты?

И сразу же она поняла, что нужно идти. Спасение было в ней самой! Её никто здесь не услышит и на помощь не придет. Нужно идти по дну оврага и не в ту сторону, где бьёт родничок. Там ледяной наст, а под ним вода, можно так провалиться, что и не выберешься, идти нужно в противоположную сторону. В той стороне овраг в ложбинке становится все мельче и мельче, и рано или поздно, Зиночка выберется наверх.

Пошатываясь, проваливаясь в снег по пояс и даже по плечи, она пошла по дну оврага в нужном направлении. Она плыла в снегу, прокладывая себе дорогу с невероятными усилиями. В некоторых местах стены оврага становились уже, в некоторых глыбы промерзшей земли угрожающе нависали над ней. Сыпучий и колючий снег набился под куртку, в сапоги, в рукавички. Она промерзла насквозь.

Через полчаса своего путешествия Зиночка увидела, что в одном месте корни деревьев в таком изобилии покрывают стенку оврага, что они могут помочь выбраться. Она попыталась выбраться, но оборвалась и опять скатилась на дно оврага. Села, всплакнула, потом разозлилась на себя, на собственную слабость, и твердо и ясно громко произнесла:

– Сейчас я обязательно выберусь. Я буду цепкой, как кошка, хитрой, как лиса, ловкой, как белка, и буду думать только о хорошем!

Теперь она внимательно осмотрелась, выбрала себе дорогу и стала подниматься. Яркая луна на безоблачном небе освещала ей путь. У неё все получалось. Главное – не спешить! Подтягиваясь на руках, цепляясь за самые крепкие корни, Зиночка выбралась из оврага, но не на сторону деревни, а на сторону хутора. Она поплелась вдоль оврага к домику бабы Вари.

Она также тонула в снегу, потому что никакой дороги и даже тропинки не было здесь, и также мерзла и дрожала от холода. Чтобы согреться, она стала вспоминать стихи о теплом лете.

Какое лето! Что за лето!
Ну, это просто колдовство!
И как, спрошу, далось нам это?
Так, ни с того и ни с сего!

Громко читала она любимого Тютчева, но теплее ей не становилось. Её стал бить озноб. Когда показался домик, в окнах которого горел свет, Зиночка повеселела! Спасение было уже совсем близко! Но тут появилась новая преграда – еще один овраг. К счастью, он оказался неглубоким, и Зиночка просто скатилась вниз, а затем выбралась из него без приключений.

Она была совсем без сил, когда постучала в окно.

– Баба Варя!

– Да кто меня там кличет? Это ты, моя хорошая! Я тебя уже заждаюсь. А что случилось?

Почему так поздно?

Говорила баба Варя, распахивая дверь перед долгожданной гостьей.

– Я оборвалась, баба Варя!

– Боже мой! Да ты вся в снегу, куртка порвана. У тебя щека ободрана, кровь замерзла. Все-таки подвела тебя твоя переправа. Говорила я тебе, эти путешествия добром не кончатся! Проходи, проходи. Да ты промерзла вся! Так недолго и заболеть! Давай-ка вот что сделаем, я сегодня баньку топила, она еще не остыла, ты прямо в баньку и ступай, а веничек всю простуду выгонит. А как же ты выбралась? Я так и знала, что этим твои путешествия ко мне и кончатся! Я всегда возражала, я всегда была против твоих путешествий, так тебя ведь не переупрямишь. Бедная моя! В баньку, в баньку! Потом мне подробности расскажешь!

Банька у бабы Вари была крошечная. Почти всю баньку занимала печка. Она была сложена из кирпичей, и в неё был вмазан большой чугунный котел, который закрывался тяжелой деревянной крышкой, потемневшей от времени. Сбоку в печурку была вделана обыкновенная духовочка, наполненная чистыми крупными речными камнями. Когда печку протапливали, нагревалась сама банька, нагревалась вода в котле, а в духовке нагревались и раскалялись камни. Стоило на них плеснуть водой из кованого ковшика, как тут же тяжелое облако пара поднималось клубами прямо к потолку, к которому были подвешены сосновые веники. Запах соснового леса с избытком наполнял крошечное помещение. За печкой был маленький полоч, на котором даже лечь нельзя было, а париться можно было только сидя.

Эта игрушечная банька, протопленная бабой Варей как нельзя кстати, согрела Зину.

– Ты сама помоешься или тебе прислужить? Сил-то хватит?

– Хватит!

– Ты с паром поаккуратней там! Как воду плеснешь, отстанись немного, а то обожжешься ненароком. Нам только этой беды ещё не доставало!

Зиночка не обожглась. А когда она парилась в бане, она думала о том, что полчаса назад она была на краю гибели, а теперь она почти в раю!

После бани во всем теле появилась легкость, похожая на невесомость. Тело подышало ароматом соснового леса, а теперь пахло само этим удивительным запахом! Голова немного кружилась. Хотелось лечь в мягкую чистую постельку и дремать, дремать, дремать...

Потом Зина, закутанная в новый халат бабы Вари, который ей год назад подарила внучка, но он все лежал в комод, все ждал, когда он пригодится хозяйке, и дождался, пила душистый чай со свежими крендельками и отдыхала. Вдруг окно осветилось светом фар, кто-то застучал громко в дверь.

– Открыто!

Первыми в дом вошли баба Маша и баба Паша, а позади выглядывал Матвей Иванович.

– Живехонька! Ой, живехонька! – запричитали старушки с порога. Они кинулись к Зиночке и стали её обнимать, прижимать к сердцу, заглядывать ей в глаза.

– А мы тут Матвея Ивановича побеспокоили. Смотрим, а свет у тебя не горит. Мало ли что? Затревожились, пошли к тебе. Печка не топлена, коза не доена, и тебя не видать. Стали думать, что с тобой могло случиться? Сумки на месте нет. Потом правильно решили, что ты на Варварин хутор пошла. Взяли фонарь, осветили, а сумка почтовая под деревцем лежит. Значит, туда ты прошла, а назад не вернулась. Смотрим, а трос оборван. Кричали мы тебя, кричали, а потом решили к Варваре съездить. Мы к управляющему!

– Матвей Иванович и слова не сказал, сразу нас повез. Мы решили, если тебя нет у Варвары, будем деревню поднимать на поиски. Весь овраг обойдем, а тебя найдем! А ты тут, на месте. Ну, слава Богу! Слава Богу! Так ты все-таки оборвалась, значит?

– Сколько раз я Вам говорил, Варвара Пантелеевна, перебирайтесь на нашу сторону, а Вы все на своем настаиваете! Нет, лето дождусь, достану два рельса и проложу мостик к вашему дому. Машина, конечно по нему не пройдет, но ходить будете без опаски. И никаких канатов! Тоже мне, туристы! – разгорячился управляющий.

– А чего лета ждать?

– Столбы сейчас не вкопаешь, а рельсы на растяжку класть нужно. Что же? Устроить такой мостик, чтобы Зина опять упала? Или Варвара Пантелеевна в овраге оказалась? Или кто-то из вас пожелает вместе с мостиком провалиться? Молчите? Не торопите меня, сейчас не время, а летом мостик соорудим. А пока, Варвара Пантелеевна, буду время выкраивать и возить Вас в деревню три раза в неделю на государственной машине. Хотя и не положено это, но другого выхода нет. А ты, Зинаида, больше по веревкам не лазь к ней, не обезьяна, взрослая девушка на выданье. Бери пример с Марии Михайловны, не роняй честь профессии. Да у нас в деревне и допустить никто при ней не мог, что сам начальник почты может по веревкам через овраг перебираться!

– Ладно, больше такое не повторится!

Варвара тем временем не бездействовала. Она помогла гостям раздеться, выдвинула круглый стол на середину комнаты и стала быстро накрывать его. В мгновение ока на него была выставлена картошка прямо в небольшом чугушке, чтобы не остыла, соленые грузди, селедочка, домашний творожок, нарезанное сало, моченые груши, мед и варенье, домашние постряпушки-тарочки с молотой черемухой, а из дальнего угла была вынута бутылка водки. Все честь по чести! Вид закусок на столе был такой аппетитный, что даже у диктора центрального телевидения, который что-то уныло бормотал с телеэкрана, от зависти вытянулось лицо.

И пошла гулянка с разговорами, расспросами и душевными беседами.

А часа через два... кто-то рукой в мохнатой когтистой рукавице постучал в окно. Кто бы это мог быть? Все в доме притихли и даже Матвей Иванович примолк.

– Откуда в двенадцать часов ночи гости? Кто это?

– Это не гости, это моя собака Найда домой на ночь просится. Видно мороз крепко прижал. Я в сильные морозы её зимой домой пускаю. Она – настоящий живой градусник. Если мороз зимой до тридцати, она в будке ночует. Стоит только температуре ниже тридцати хоть на один градус опуститься, Найда лапой в окно стучит. Не пугайтесь! Я иногда и сама вздрагиваю, если забудусь! Сейчас дверь ей открою.

Собака юркнула рыжим пушистым комком в дверь и тут же спряталась под кухонным столом. И оттуда, из темноты, черными глазками своими ревниво посматривала на гостей хозяйки.

– Я тут вспомнила, что взяла с собой спирт не разведенный, чтобы в случае чего Зинаиду растереть, но видно, что он для этого не нужен. Не принять ли нам его внутрь за испуг?

Мнения разделились. Баба Паша и Зиночка возражали.

– Хватит нам, хватит всем. Нам еще в обратный путь. Ты, Матвей Иванович, за рулем.

– А ты думаешь, что в такой час нас милиция встретит? Прав нас лишит? Неси Мария Ивановна, свой спирт. Мы его оприходуем. Нам это по плечу! А ты, Прасковья Терентьевна, не возражай!

– Он – единственный мужчина в нашей компании, будем его слушаться!

Лучше всех «слушалась» Матвея Ивановича Мария Ивановна. Меньше чем через час стало ясно, что управляющего за руль пускать нельзя. Хотя и милиция очень далеко. Потому что он уже плакал на плече бабы Вари и говорил о своем Петеньке, о том, почему их с Аней так Бог наказал.

– Бывает горе и больше твоего. Бывает, что дети вырастают плохими, творят зло страшное. А Петя никого не обидел, слова плохого никому не сказал, а то, что он вечный ребенок, так значит тому и быть. Доля его такая, судьба. А ты поплачь, поплачь, не все тебе в себе горе нести. Надо иногда и выплеснуть его из себя.

– Горе вином не зальешь, а радость пропьешь – неправильная пословица! Если по чуть-чуть, ничего страшного!

С этими словами Мария Ивановна стала исследовать содержимое опустевших бутылок.

– Уймись! Хватит тебе уже! Давай лучше споем! Давно не пели мы втроем с Варварой, да и Зиночка нам подпоет! Она тоже девушка голосистая! Запевай!

– Подскажи, какую?

– Что-нибудь душевное очень.

Ах, ты ноченька! Ночка темная!
Ночка темная, да осенняя!
С кем я ноченьку, с кем осеннюю,
С кем я ноченьку коротать буду?
Нет ни матушки, нет ни батюшки,
Есть зазнобушка, да и та с другим!

Песню спели так красиво, так задушевно, что после пения все притихли и взгрустнули. Каждый думал о своем. Зиночка думала о том, что у неё нет ни матушки, ни батюшки. Варвара думала о том, что живет на отшибе от людей, и Зиначкино несчастье обернулось для неё праздником, Матвей Иванович думал о судьбе своего Петеньки. Баба Маша и баба Паша думали одинаково: о том, что вдовья доля горькая на вкус.

Все-таки компания засобиралась домой. Зиначку закутали в тулуп, который соседки привезли с собой на всякий случай, на ноги обули старенькие хозяйские валенки. и она уселась в предварительно прогретую машину с большим пакетом в руках, в который сложили её полу-сырую одежду. Матвею Ивановичу помогли добраться до машины и усадили рядом с Зиначкой. Он уткнулся в уголок сиденья и мгновенно заснул. За руль села баба Паша. Она была трезвеницей. Рюмки в застолье только поднимала и чуть пригубляла, так что за весь вечер она приняла грамм пятнадцать алкоголя – не больше.

– А ну-ка, вспомним молодость! Не пугайся, Зинаида, я машину с войны водить умею, и права у меня есть. И такую я когда-то водила. Домчу с ветерком! Ну, Маша, не ожидала я от тебя такого. Подсунулась ты с этим спиртом!

– А вот посчитай! На кампанию из пяти человек бутылка водки. По сто грамм на человека! Что это для здоровой женщины? Один глоток! А мы добавили, получилось по два глотка.

– Ты не раскладывай на всех. Я почти совсем не пью. Ни при каких обстоятельствах. Вам троим по глотку хватило. Остальные глотки Матвей Иванович сделал. За нас всех. Не люблю я эти средние цифры! Вот, допустим, съела ты полкило колбасы, а я – ни грамма, а в среднем у нас с тобой по двести пятьдесят граммов на душу населения получилось. Только у тебя в пузе шолк, а у меня – щёлк! Или вот про спиртное говорят, что в год мы выпиваем восемнадцать

литров на человека! Почему же нас всех вкруговую алкоголиками делают? Я вместе со встречей Нового года и именинами больше 300 грамм не выпиваю, а ведь кто-то за меня мою норму добирает, надрывается бедный! А я – симулирую!

– За кого ты меня принимаешь? Я что, колбасу сама бы съела? Или литры одна выпила? Только никто мне колбасы не несет, и литры не поставляет! Я бы тебя и Зиночку угостила. Поосторожней со своими примерами, так и обидеться можно!

– А ты не обижайся! Теперь такие хлопоты мне: везти нас ночью домой. Домчу с ветерком, молодость вспомню. А про Матвея Ивановича молчок, никому ни звука. Бедный мужик! Приехал молодым человеком, мечтал дальше учебу продолжить, хотел ученым стать. А как родился у них с Аней Петя, так и остались они в нашей деревне. Аня медицинский институт так и не закончила. С пятого курса ушла. Куда с таким ребенком? Теперь вот фельдшером у нас работает. А Петеньку и в школу не взяли, слово такое придумали – «необучаемый»! А учить кто-нибудь пробовал?

Зина в разговорах участие не принимала, она укуталась в тулуп, задремала... и сквозь дрему видела заснеженные поля, полосу леса вдаль, мелькавшие придорожные кустики, освещенные яркой луной, и думала о том, что здесь ей всё знакомо и очень дорого. До сердечной боли!

А дома её ждала очередная радость – письмо от далекого друга, который встановился все ближе и роднее!

Глава третья. Новое дело

Путешествие по дну снежного оврага не прошло для Зины совсем даром. Она прихворнула. Утром Аня осмотрела её, сказала, что ничего страшного нет, но больничный лист на три дня предложила. Зина от него отказалась, но лечиться стала точно по предписаниям фельдшера.

Соседки переполошились. Они явились к ней сразу обе, велели с постели не вставать, отлежаться, а сами вдвоем быстро переделали все домашние дела. С дальнего края деревни пришла бабушка Флёнушка, местная знахарка, и принесла настои трав, какую-то жгучую мазь в скляночке и большие вязаные носки из козьего пуха. Велела настойку пить, мазь нанести на ступни ног, а сверху надеть теплые носки и спать, спать, спать.

– Сном все пройдет, милая!

Через три дня Зина была здоровехонька! Когда она поправилась совсем, к ней под вечер неожиданно пришел Матвей Иванович. Он чувствовал себя не совсем уверенно, встал у порога. Зина с трудом уговорила его присесть на стул.

– А то и впрямь, сяду. Разговор у меня к тебе серьезный и дело особенное. У нас школу закрыли.

– Как? Почему?

– Учить некому. Вера Васильевна ногу сломала, теперь в гипсе дома лежит. А учить некому. Подменный учитель при районном управлении образования уже занят, учительница где-то в декрет ушла. Нам предлагают детей на центральную усадьбу возить, но матери против этого. Зима, сама видишь, какая лютая стоит. Вот я подумал, подумал и решил, что, кроме тебя Веру Васильевну подменить некому. У неё я был, она тебе помогать будет, будет консультировать и планы для тебя писать. Ты будешь работать под её руководством. Да ты ведь и сама у неё училась. Она говорит, что ты справишься, у тебя талант есть, а к школьному делу есть у тебя любопытство. Ты ведь в школу заглядывала и помогала Вере Васильевне. Так что ты в курсе. Ты как относишься к учительскому труду?

– Я никогда не думала об этом, и я ведь работаю уже. Мне дело мое нравится. А как я почту брошу?

– Почту не бросишь, будешь совмещать.

– А кто мне разрешит такое совмещение?

– Я уже с почтовым начальством разговаривал, так если твое совмещение делу помехой не будет, оно дает добро.

– Я вижу, что Вы, Матвей Иванович, все за меня решили.

– Так что? Даешь согласие?

– Попробую. А когда приступать?

– Завтра, с утра. Я детям скажу, чтобы в школу шли. Как машина почтовая придет, посматривай, да беги домой, а баба Паша за детишками временно присмотрит. И вот еще что, я тебе портфель от Веры Васильевны привез. Там в нем все инструкции. Телефон у тебя есть, так что позвонишь ей, она тебе все объяснит. Не робей!

Матвей Иванович ушел, оставив Зину в полной растерянности.

Вот уж не думала она никогда, что встанет перед классом в роли учителя. Да её и слушаться никто не будет!

Только шаги Матвея Ивановича стихли во дворе, и Полкан перестал гавкать ему вслед, как к Зинаиде пожаловали новые гости. Сгорая от любопытства, баба Маша и баба Паша прямо с порога начали свои расспросы. А когда убедились, что Зина и впрямь детишек учить с завтрашнего дня будет, они стали наперебой давать советы. Особенно старалась баба Паша, которая в педагогике очень много понимала, потому что работала в школе двадцать лет уборщи-

цей. Она топила печки, мыла полы, подавала звонки с урока и на урок и даже пекла калачи для завтраков.

– Ты главное, поостороже с ними. Зайди в класс, как посмотри сурово на них, чтобы сразу притихли и твою силу почувствовали. Дай им знать, что у тебя не забалуешь! Главное – чтобы слушались! – говорила баба Маша.

– Не слушай ты её, не слушай. К детям с лаской нужно, с теплом, с добротой. Я четверых вырастила, а голос никогда на них не повышала и руку не поднимала. И смотри, какие детки! Гордость моя! И меня дети уважают, любят без всякого окрика. Ты, главное оденься как-нибудь по-новому. Не в спортивных же брюках ты завтра пойдешь в школу?

– А у меня и юбки никакой нет! Я их не ношу, поэтому не покупаю.

– Юбку мы тебе сейчас сошьем.

Отрез на юбку нашелся в шкафу у Зиночки. Ручную швейную машинку принесли из дома бабы Паши. Отрезом обернули Зиночку и прямо на ней сметали юбку. Зиночке в зубы дали лоскуток и велели его крепко прижать, а то по поверью, память ей можно было пришить.

Юбку сшили буквально за полчаса. Отгладили, примерили, всплеснули руками, довольные результатами. Зина крутилась перед зеркалом и одевала то один свитер, то другой. Лучше всего смотрелся с юбкой маленький черный свитерок, однако, чего-то не хватало, какой-то детали. Баба Маша сходила домой и принесла нитку крупных желтых бус из янтаря. Теперь вид у Зины был вполне учительский. Баба Паша дала последние наставления.

– Ты в класс зайдешь, так первым делом поздоровайся с ребяташками, и имя своё назови.

– Так меня и так все знают!

– Знают, да не знают. Раньше ты Зиночкой для них была, а теперь – Зинаида Алексеевна. Готовься к урокам, а мы пойдем, мешать не будем.

– И помни, что у тебя самое главное есть, для того, чтобы встать перед классом – ум. А вид – он на втором или на третьем месте. Глянешь иногда на человека, а он видом орел, а умом тетеря! А ты у нас и видом, и умом – орлица! – обернувшись с порога добавила баба Маша. – Не робей!

Зина к урокам готовилась до поздней ночи. Она звонила Вере Васильевне, и та отвечала на все её вопросы. А потом Зина долго не могла уснуть, и все думала и думала, как ей войти в класс. Она вспоминала, как появлялись в классе её учителя. Молоденькая эксцентричная учительница биологии, например, заходила в класс, напевая веселую песенку. На детей она внимания не обращала. Потом делала вид, что заметила ребяташек, удивлялась и говорила: «О! Кого я вижу! А вы тут что делаете?»

Класс, надрываясь, хором кричал, что они пришли к ней на урок. «Что, учиться хотите?» – спрашивала учительница. «Да!» – кричали дети. «Сильно?» – спрашивала учительница. «Да!» – опять кричал класс. «Что же, пойдем навстречу вашим пожеланиям». И после этой веселой сценки начинался урок.

Зиночка представила себе, как она входит в класс и говорит: «О! Кого я вижу!» и эта фраза так насмешила её, что она тихонько захихикала. Нет, решено, она просто и серьезно поздоровается с ними. Никаких эксцентричных выходок! А как хочется что-нибудь веселенького!

Глава четвертая. Неприятности

Зинаида Алексеевна «развеселилась» ровно через неделю. Нет, вначале у неё все получалось очень хорошо. В нелегкое учительское дело она вникла быстро. Утром в школу приходили ученики второго и третьего класса. Всего их было семнадцать человек. Первым всегда стоял урок чтения для всех. Вера Васильевна втайне от начальства проводила объединенный урок. В журналы она писала все как нужно, а уроки вела иначе.

Она справедливо решила, что тексты родной речи второго и третьего классов мало чем отличаются по степени сложности. Ребенок второго класса вполне может понять тексты третьего, тем более наоборот. Главное – научить детей читать бегло, выразительно, понимать прочитанное и отвечать на вопросы по тексту. Дети читали все тексты, но не в той последовательности, которая была предусмотрена программой.

Уроки чтения были праздничными. На уроках Вера Васильевна широко использовала прием театрализации. Разыгрывались сценки про попрыгунью стрекозу, которая «лето красное пропела», про квартет из осла, козла и косолапого мишки, ставились целые спектакли по русским сказкам и рассказам русских писателей.

Дети уроки чтения очень любили, читали много и с интересом, а когда уезжали в среднюю школу, приятно удивляли учителей старших классов своими навыками учебного труда, своим умением работать с текстом, своей любовью к книге и начитанностью. Они выгодно отличались от выпускников другой малокомплектной школы, в которой учителя менялись ежегодно. Кудринские ребята, получив крепкую базу знаний в младших классах, дальше учились также хорошо, как и в начальных классах, и честь своей школы не роняли.

Вторым уроком всегда был русский язык, и задания делились по классам, но если второклассники слушали и понимали объяснения к заданиям третьего класса, то им это делать не запрещалось, а если третьеклассники вспоминали материал второго класса и отвечали на вопросы учителя, им тоже замечаний никто не делал. Хотя каждый класс работал по своей программе, по своему учебнику.

Третьим уроком была математика, которая длилась тридцать пять минут тоже отдельно для второго и третьего класса, а после пятиминутной перемены, во время которой приходили первоклассники и усаживались за свои парты, десять минут шел устный счет для всех.

Примеры давались разные, на разных карточках: на синих карточках – для третьего класса, на белых – для первого класса, на желтых – для второго. Часто Вера Васильевна на устный счет приносила мячик и играла с детьми: неожиданно бросала мяч то одному, то другому, и говорила примеры, а ребята давали ответы.

Когда примеры для третьего класса решал первоклассник, Вера Васильевна ставила ему пятерку в журнал. Первоклассник Женя Курышев получал пятерки на каждом занятии устным счетом, у него были прекрасные математические способности.

Затем шел общий урок рисования, физкультуры, пения или труда. Школьный день для второклассников и третьеклассников заканчивался, они шли домой, а Вера Васильевна занималась с первоклассниками, которых было всего шесть человек.

Она строго следовала программе и проводила уроки в полном объеме. Говорят, что как-то давным-давно к ней в первый класс пришел всего один ученик, и для него одного она также серьезно готовилась к урокам и также строго проводила их, и также добросовестно учила Костю – единственного ученика в первом классе. Теперь он живет в далеком Мурманске, служит на кораблях и шлет своей первой учительнице поздравления ко всем праздникам.

Вера Васильевна писала для Зинаиды поурочные планы и передавала их с учениками старших классов, вечерами она долго инструктировала Зинаиду Алексеевну.

– Слушай внимательно, что ты будешь делать завтра.

И шел обстоятельный и подробный рассказ о планах на следующий день. Как обозначить тему урока, как оценивать ответы ребят, сколько оценок поставить за урок и за какой труд ставить оценки, как делать замечания Васе, который такой непоседливый, что просто не может высидеть целый урок, как делать минутные перерывы на физкультурные паузы. Зина инструкциям следовала точно, и у неё все получалось прекрасно.

Она и не думала никогда, что учительский труд такой тяжелый. Нужно было не только понятно и толково объяснять детям новое, владеть безупречно речью, строить предложения грамотно, но нужно было чувствовать, как дети воспринимают урок, как усваивают материал.

Нужно было владеть их вниманием, делать паузы или переключать их на новый вид работы, если прежний этап урока утомлял их. Нужно было оценивать их работы и одобрять или не одобрять их поведение на уроках.

Зинаида Алексеевна уставала так сильно, что после семи уроков, проведенных в школе, она приходила домой, ложилась на диван и лежала целый час неподвижно в полной тишине, а потом поднималась и принималась за дела почтовые, которые тоже требовали много сил и времени.

Всю работу по дому делали соседки: они топили печку, кормили Зину вкусеньким, ухаживали за козочками. Баба Маша интересовалась.

– Получается у неё?

– На отлично! Лучше и быть не может! Она – настоящая учительница.

Перехвалили соседки свою подопечную, потому что чрезвычайное происшествие все-таки случилось.

Учился у Зинаиды Алексеевны в третьем классе Саша Лукин. В школе он был новенький, его родители приехали в село всего месяц назад. Когда его учила Вера Васильевна, то вначале она мальчика не беспокоила, давала привыкнуть к новой обстановке и никогда не спрашивала на уроках.

Саша был угрюмым, замкнутым, испуганным ребенком. На вопросы на уроках он не отвечал, в тетрадях писал коряво и с огромным количеством ошибок, оживлялся только во время устного счета и решал все примеры уверенно и всегда давал правильные ответы.

Вера Васильевна пока не оценивала его работы в тетрадях, а только подчеркивала красной ручкой отдельные слова, примеры.

– Неправильно написано? – спрашивал шепотом Саша.

– Нет, наоборот, это лучше всего у тебя получилось. А раз получилось это хорошо, значит, ты мог и все хорошо написать. Пока ты не заслужил хорошую оценку, а плохой я тебя огорчать не хочу. Не спеши! Если ты не справишься со всем заданием, я упрекать не буду. Главное – чтобы все было написано хорошо и правильно.

Саша смотрел удивленными глазами на учительницу, на ребят в классе, а те ему объясняли, что Вера Васильевна никогда двоек не ставит, если видит, что ученик старается! Саша настолько мало знал, что Вера Васильевна не могла решить, с чего начать борьбу с пробелами в знаниях Саши Лукина. Похоже, что Саша почти не умел читать. На уроках чтения он смотрел на учителя, как затравленный зверек.

Зинаида Алексеевна про Сашу Лукина ничего не знала, его отказы читать текст на уроках восприняла как личное оскорбление и однажды решила на своем настоять.

– Дальше читать будет Саша Лукин, а мы все будем слушать!

– Не буду я читать!

– Почему?

– Не буду, и все! Я не хочу!

– Как это, не хочешь?

– Не хочу, и все тут.

– Читай! Почему молчишь? Ах, ты и разговаривать со мной не хочешь! Тогда давай дневник, я тебе поставлю двойку!

Мальчик хотел спрятать дневник в портфель и не отдавать его учителю, но Зинаида Алексеевна опередила его, взяла дневник и пошла к учительскому столу. Тогда Саша выскочил из-за парты и стал отбирать дневник у учительницы. Он плакал.

– Отдайте дневник, отдайте мне его! Не ставьте мне двойку! Не пишите мне никакие замечания! Обойдусь я без Ваших замечаний! А читать все равно не буду!

– Нет уж, двойку поставлю и тогда верну! Пусть родители полюбуются, как их сын в школе учится!

Зинаида Алексеевна решительно шла по проходу между партами к учительскому столу, а Саша все бежал за ней, пытаясь вернуть дневник. Он подпрыгивал и махал руками, он даже хватал учительницу за плечи, но остановить её не мог.

Как случилось, что мальчик разорвал нитку бус Зинаиды Алексеевны, он и сам не понял, но класс замер, когда на чистый, крашеный деревянный пол, как град, посыпались тяжелые янтарные бусы.

– Бух, бух, бух!

Нитка бус рассыпалась на глазах.

– Ах, ты? Как ты смеешь? – закричала учительница, повернулась к испуганному и растерянному мальчику и замахнулась в гнев дневником на него.

– Зинаида Алексеевна, Вас к телефону! – услышала она в это время звонкий голос бабы Паши. Пожилая женщина вошла в класс, взяла учительницу за руку и вывела её в коридор и там зашептала пронзительным шёпотом.

– Ты что, с ума сошла? Ты почему на детей кричишь? Успокойся! Дневником замахнулась! Ты с ними не на одной доске, ты вверху, они внизу, ты взрослая! Они дети. Детство твое кончилось, это тебе не с мальчишками на улице в войну играть. Размахалась она тут! Он читать не умеет, и унижения боится. Что смеяться будут, боится, вот почему отказывается читать. Даже я это понимаю, хитрость его детскую разгадала, а ты не можешь. Ты его на позор, на потеху выставить хотела?

– Нет, – растерянно произнесла Зина.

– Что ты к нему пристала? Мальчик всего третий год в школе учится, а четвертую школу поменял. Он только-только отогреться стал, на человека стал похож, а ты тут дневником машешь. Самурайка несчастная! Успокоилась? Иди в класс и ищи выход из положения.

– Какой?

– Придумай что-нибудь. Здесь учитель ты, а не я. А дома я с тобой отдельно побеседую!

Зина вернулась в класс. Дети сидели за партами неподвижно и смотрели на молодую учительницу испуганными глазами. В классе стояла напряженная тишина. Саша стоял возле парты, и в его ладонях были бусины. Все до одной. Он дрожащими руками протягивал их Зинаиде Алексеевне. Она пошла навстречу маленькому мальчику, взяла бусы из протянутых дрожащих рук ребенка и тихо, почти шепотом, спросила его, глядя прямо в широко открытые глаза:

– Ты нечаянно?

Мальчик только кивнул.

– Он нечаянно, нечаянно. Нечаянно!

Слово было найдено. Оно все оправдывало. Саша не хотел обидеть учительницу!

Детское многоголосие заполнило класс. Все ученики защищали Сашу. Не мог Саша «нарочно» совершить такой поступок. Саша не такой, Саша хороший, а бусы порвались нечаянно.

– Ну, нечаянно, так нечаянно. Продолжим урок! Читать дальше будет Оля Пискунова, а мы все будем следить.

И урок пошел дальше, плавно, спокойно, и только горстка больших желтых янтарных бусин на учительском столе напоминала о его неприятных минутах, да виноватый взгляд Саши Лукина, да еле сдерживаемые слезы молодой учительницы. А любопытное солнце всё заглядывало и заглядывало в класс, и его крохотные лучики играли в бусинах янтаря, то легко отражаясь от гладкой поверхности, то высвечивая их желтоватую глубину. С навеса над школьным крыльечком вдруг скатилась первая капелька растаявшего снега и упала вниз, замерзнув на лету. Она была похожа на непрошеную слезу. Февраль был на исходе. В теплых краях уже цвели подснежники, а поля и леса вокруг Кудринки еще были окутаны зимним сном.

Зине очень хотелось плакать, только она при всех не расплачется, ни за что не расплачется! Не такой у неё характер! И она выдержала. А злополучные бусины янтаря баба Паша на перемене нанизала на крепкую нитку и одела на шею молодой учительнице. Как награду за разумный выход из трудной ситуации.

Расплакалась Зина дома. Легла на диван и стала жалеть себя.

– Ах, бедная я, несчастная! Одна-одинёшенька на всем белом свете! Для кого живу, для кого хожу по этой земле. Кто мне рад? Кому я свет в окошке? Ничего не могу как следует сделать! Зачем я согласилась подменить Веру Васильевну? Матвей Иванович уговорил? Пусть бы сам и учил. Уговорить кого-нибудь – это он может. Тихим голоском, он так убедительно говорит, что и возразить нечего! Справишься, справишься! Как же, справилась! На ребенка чуть руку не подняла! И почему ей Вера Васильевна ничего про Сашу не сказала? Могла бы сказать, она бы мальчика не тронула. У неё ведь тоже сердце есть! Она просто думала, что ребенок капризничает, решила его заставить читать. Разве она могла подумать, что он в третьем классе читать не умеет? А Прасковья Терентьевна вовремя меня из класса вывела. К телефону! Она и пошла, совсем забыла, что телефона всего два на всю деревню: на почте и в доме управляющего. А если бы баба Паша не вывела её из класса, она бы что? Она бы стукнула бедного мальчика, а он бы потом помнил это всю жизнь. Говорят и так, у него отчим злющий, может и поколачивает мальчонку. А если бы она написала замечание в дневник, то ударила бы ребенка не сама, а его рукой? Интересно, кто это придумал, все плохое писать в дневник. Даже страничка есть такая в дневнике для замечаний учителя, а для поощрений?

Зинаида Алексеевна, Зинаида Алексеевна! Да какая она Зинаида Алексеевна? Зинка – и больше никто! Все-таки насколько почтовое дело лучше учительского труда. Спрашивать никого не надо, оценки ставить – тоже. А Вера Васильевна предлагает поступить весной заочно в педагогический институт и подменить её в работе, ей ведь через пять лет на пенсию. Ни за что! Агитирует её подруга Лена из районного почтамта поступить в Хабаровский техникум связи, чтобы ещё лучше знать свое почтовое дело. Вот туда Зина и пойдет учиться, весной поедет поступать, а в педагогический – никогда. Прекрасная профессия учителя не для неё! Нет у неё бесконечного терпения.

Чтобы окончательно успокоиться, Зиночка вытерла слезы, встала с дивана, открыла шкаф, достала старенькую дамскую сумочку, в которой хранилось все самое ценное, вынула фотографию Олега и его письма и стала перечитывать их. Вот первое письмо, вежливое, сдержанное, написанное ровным четким мелким почерком буква к буквке без единой ошибки. Вот второе его письмо, уже не такое официальное, с благодарностью за то, что она отозвалась и вступила с ним в переписку. А дальше рассказы о том, как служба идет, как мама ждет, как девушка прождала всего год и вышла замуж, как хорошо, что ему пишет Зина такие добрые письма и ему теперь есть о ком думать в тишине матросского кубрика. В письмах были рассказы про его родную Сибирь, какие в ней леса, какие реки, какое небо над головой, какой город Омск, куда он вернется доучиваться в институте, со второго курса которого его призвали на службу. В одном из писем Олег Григорьев прислал высушенную водоросль, которая пахла морем, и Зиночка берегла её, положив между страницами книги. Только через полгода переписки они обменялись фотографиями.

Когда Зина получила письмо, на котором было написано «Осторожно, фото», она даже не сразу открыла конверт. Она боялась, что Олег ей не понравится. Напрасно боялась. Смотревший на неё матрос в бескозырочке был симпатичным молодым человеком в расцвете сил и мужской красоты.

Зиночка фотографироваться ездила в районный центр, но ей сделали такую фотографию, что даже она сама себя с трудом узнала.

– Да что же я такая страшная? – спросила она приемщицу в фотоателье.

– Уж, какая есть, – ответила ей молодая женщина.

– Не может быть! – сказала Зиночка и долго рассматривала себя в зеркало и поняла, что ей так не нравится на снимке. Лена нанесла ей на лицо косметику и видно перестаралась девушка. От всех косметических ухищрений губы у Зиночки стали похожи на вареники, а глаза оказались круглыми и выпученными, как у козы накануне окота.

Она послала Олегу любительский снимок, который был выполнен не так качественно, но был очень достоверным: и был виден легкий ореол темных кудрей вокруг лица Зиночки, и туго заплетенная коса лежала на плече, и улыбка была загадочной. В письмах они, не стовариваясь, написали, что именно так они себе и представляли друг друга.

Потом Зина стала собираться в доставку, подбирая по «Ходовику» – специальному журналу, в котором были записаны все адреса и список подписных изданий по каждому из подписчиков, газеты и журналы. Когда она стала раскладывать письма, обнаружила письмо от Олега. Как она его просмотрела при беглом осмотре прибывшей почты? Она пришло как нельзя кстати!

«Здравствуй, дорогая Зина!

Отнесись к тому, что прочтешь в этом письме, спокойно. Это мое письмо к тебе – последнее. Я встретил девушку во время увольнения, мы подружились. Она рядом со мной, а не только далеко в письмах, как ты. Она живет во Владивостоке, мы с ней часто видимся, и я понял, что она мне дорога.

Желаю тебе счастья, Зиночка. Ты ещё встретишь свою судьбу. Спасибо за дружескую переписку.

Олег».

Когда Мария Ивановна поздно вечером вышла во двор, чтобы покормить собаку, она увидела, что ветер принес какие-то обрывки бумаги прямо к её порогу. Она собрала их, чтобы выбросить, но, разглядев, догадалась, что это части порванной фотографии, и положила все обрывки в карман куртки. Она направилась к дому Зиночки, но не зашла. В доме горел свет во всех комнатах, гремела музыка, Эдита Пьеха пела про замечательного соседа, сама хозяйка под грохот магнитофона, включенного на всю громкость, с распушенными волосами танцевала какой-то замысловатый танец. Что такое?

Встревоженная пожилая женщина, миновав дом Зины, поспешила к подруге Прасковье Терентьевне. Может быть, она что-нибудь прояснит? Не прояснила. Вместе они пошли к Зина-иде и застали её заплаканной, но никаких объяснений не добились.

– Все у меня нор-р-р-мально! Нор-р-р-мально все!

Зиночка говорила бодрым голосом, но в глаза соседкам не смотрела, и по всему видно было, что Зиночка в отчаянии.

Не добившись никакого вразумительного ответа, подруги вышли на улицу.

– На работе у неё конфуз вышел, но она из положения с честью вышла, достоинство свое не уронила! Не могла она из-за этого так расстроиться! Здесь что-то другое!

– Я тут обрывки фотографии во дворе у себя нашла. Ветер принес. Может быть, их сложить и рассмотреть, что на ней изображено? Может быть тогда у нас с тобой все прояснится? Здесь, наверное, дела любовные пошли под откос!

Решено было фотографию склеить. Когда женщины склеили обрывки, они увидели фотографию Олега, которую им Зина показывала только однажды. Правда, снимок был неполный. Фрагмент, на котором был нос молодого человека, был утерян. Фотография имела жалкий вид. И бескозырка, и чуб, и лоб, и щеки, и скулы, и глаза Олега уцелели, а вместо носа была огромная белая дыра. Все равно пожилые подружки качали головами, цокали языками и дружно хвалили морячка.

– Какой симпатичный молодой человек! Надо же! Какой симпатичный! И за что Зина его так? Видно, поссорились они. Какой симпатичный, какой симпатичный, – опять заохали пожилые женщины.

Лица у соседок были серьезными, и только большой белый кот бабы Маши, которому с высоты печки можно было рассмотреть фотографию безносого молодого человека, вдруг глянул на фотографию, и неожиданно свалился кубарем на пол и громко замяукал. Наверное, со смеху!

А Зина уснула только под утро. И все думала и думала об одном: ну, почему мир такой непрочный? Трос оборвался, бусы рассыпались, любовь исчезла без всякой надежды на возвращение. Да и была ли она? Дружеская переписка – не более того! Ну и пусть ветер унесет его фотографию на все четыре стороны!

Глава пятая. Преодоление

На следующий день в школе бедняжка была рассеянной, говорила невпопад, плохо слушала ответы детей, а даже если и старалась слушать – не понимала иногда, о чем они говорят. Дети чувствовали её настроение и вели себя тихо. На большой перемене, когда все вышли в коридор пить чай с калачами, в класс вдруг вернулся Саша Лукин, подошел к учительскому столу, за которым, уставившись в одну точку, неподвижно сидела Зинаида Алексеевна.

Он осторожно погладил её по руке и сказал тихонько:

– Ну, не расстраивайся, не расстраивайся! Ты хоть и сердитая сегодня, но ты— настоящая красавица!

Детская трогательная ласка была такой чистой, такой сердечной, такой искренней, что Зиночке стало немного легче.

– Знаешь, приходи сегодня в школу к пяти часам. Я буду заниматься только с тобой одним. Никто нам не помешает. Будем учиться читать!

Как мы порой опрометчиво поступаем, когда предлагаем свою помощь там, где ничем помочь не можем.

В пять часов вечера Зинаида Алексеевна пришла в школу, а в классе уже ждал её Саша. Начали чтение с букваря. Зиночка открыла первую страницу и попросила Сашу прочесть простой текст: У Антона окуни. Он и прочел.

– У А —ти – ти о-ти —ти.

– У какого Атити? Какие отити? Так вот оно что, ты оказывается, если слог не можешь прочесть ставишь замену, слог «ти». Но мы же так не разговариваем! Мы же не говорим – ти-ти-ти. Мы произносим разнообразные звуки. При чем тут твоё «ти»?

Зина попыталась подсказывать неузнаваемые Сашей слоги, но у него ничего не получалось.

– Послушай, а как ты по русскому пишешь. Ведь хоть и коряво, но пишешь?

– Я срисовываю буквы у соседки по парте. А дома мне мама на листочке пишет, а я с листочка срисовываю.

– Ну, знаешь! Ты меня удивил. А почему ты в первом классе не научился читать и писать?

– Мама меня в школу не пускала, заставляла с братиком нянчиться, а учительница обиделась и сказала, что не будет со мной отдельно заниматься. Пусть мама меня сама и учит. Она кричала и дралась больно, но я все равно ничего не понял.

– Иди—ка ты Саша сегодня домой, а я подумаю, как тебе помочь.

Саша горестно вздохнул, одел пальтишко, шапку и ушел, а Зина открыла книжный шкаф и стала искать нужную книгу. Вот она – «Методика обучения чтению в первом классе». Что же, читаем! Она считала, что ответы на все вопросы можно найти в книгах.

Она читала и час и другой, узнала много нового для себя. В книге было написано, как возникли буквы, почему каждая буква имеет название. Оказывается, буква – это бывший рисунок целого слова. Когда мы пишем заглавную букву «А» мы рисуем лоб быка и два рога, «Алеф» – бык на другом языке вот почему буква передает звук «А». А буква «М» – это волна. «Мем» – называется волна. Правда, похоже? Оказывается, нужно научиться в самом знаке, передающем звук на письме, отличать название буквы и звук, который он передает.

Чтобы научиться читать, нужно ещё, чтобы и в сознании совместились звуковой и письменный образ слова. Это – самое сложное. Зина ещё выяснила, что есть два способа обучения чтению. Старинный способ – слоговой, и сравнительно новый – звуковой. Можно выучить слоги – все слияния гласного и согласного звука и читать, а можно произносить очень быстро звуки, и они сами собой обозначат слово.

После долгих раздумий Зина выбрала слоговой способ. Потом она открыла букварь и выяснила, что слогов в русском языке не так уж много. Не все гласные со всеми согласными образуют слоги. Особенно капризная гласная «э». Зинаиде Алексеевне пришла в голову замечательная идея: а что если она не станет читать с Сашей до тех пор, пока он не выучит все слоги! А как она заставит его читать слоги? Бессмысленное и скучное занятие! А если она с Сашей будет играть? Прочел Саша слог, пусть себе оставляет, не прочел – опять в общую кучку вниз буквами кладет. Так она будет знать, какие слоги выучил ребенок, а какие – нет.

По этой системе она и стала заниматься с Сашей. Дело двигалось очень медленно, до тех пор, пока в класс не зашел на огонек Петя. Подросток вначале с разрешения Зинаиды Алексеевны просто сидел в сторонке и наблюдал за ними, но на второй день он вдруг стал подсказывать Саше, называя слоги абсолютно правильно! Зина усадила его рядом с Сашей, и теперь они играли вдвоем, а Зина контролировала их ответы. Игра называлась: кто больше прочтет правильно слогов? Побеждал Петя. Сашу самолюбие заставило напрягать свою память и делать усилия, чтобы запомнить слоги правильно. Через три недели занятий Зинаида Алексеевна дала в руки мальчикам буквари и попросила прочесть текст.

– У Антона окуни.

Хором прочитали они. Приятнее этой фразы из букваря Зина давно не слышала. Замечательно! Антон наловил окуней, теперь, наверное, ухи сварит или кота накормит. Как здорово!

Потом Саша и Петя листали букварь, открывали на любой странице и читали, читали. Такая радость, такое ликование переполнили сердце Зинаиды Алексеевны, что она, возвращаясь домой из школы, всю дорогу пританцовывала и пела.

– У Антона окуни! Тра-та-та! Тра-та-та! У Антона окуни! Тра-та-та! Тра-та-та!

Правильно утверждали древние философы, что счастье человека в борьбе и преодолении.

Глава шестая. Трудовые будни

Петя читал медленно, и также медленно читал Саша. Однако качество чтения у новоявленных читателей было разным. Саша читал и пересказывал текст слово в слово, а Петя просто читал, почти не понимая прочитанного. Саша стал читать на уроках чтения. Пока ещё не так быстро, как другие дети, и всего одно-два предложения. Он проговаривал слог и переходил к проговариванию второго, а когда дочитывал слово, делал долгую томительную паузу. Можно было подумать, что Саша ползет по тексту, как черепаха. Зина опять пригласила его на дополнительные занятия. Они занимались без Пети, скорость чтения у мальчика никак не прибавлялась. Зиночка проконсультировалась у Веры Васильевны и выяснила, что в процессе чтения дети «спят» на каждом слоге, если они узнают слог, и когда произносят его, взгляд их стоит на этом же слоге, а нужно, чтобы глазки у ребенка бежали по строчке. Оказывается, Саша этого не умел делать. Нужно было ещё и как-то пробудить у Саши желание научиться читать бегло. Как? Зина на перемене спросила Сашу, что он хочет попробовать на вкус? Может быть, какую-нибудь шоколадку или конфету?

– «Баунти». По телевизору все время говорят: «Райское наслаждение» – с тяжелым вздохом сказал ребенок, – но мама мне ни за что не купит. Говорит, что она очень дорого стоит, а у неё таких денег нет.

В сельском магазине под названием «Товары повседневного спроса» были совки и веники, были ведра и грабли, было мыло и порошки. Ежедневно в магазин завозили хлеб, была в продаже мороженая рыба и всякие консервы, были пряники, печенье и два-три сорта конфет. Шоколадных батончиков «Баунти» с мякотью кокоса не было. Зина позвонила в районный центр своей приятельнице Лене и попросила там посмотреть шоколадный батончик. В райцентре лакомства из рекламы тоже не было! Тогда Зинаида Алексеевна сделала заказ водителю почтовой машины. Он вначале сильно удивился, а когда понял, зачем нужен батончик, пообещал найти в кооперативных киосках эту сладость. Желанный батончик он привез через несколько дней.

Зина пригласила Сашу на дополнительные занятия, а «Баунти» положила на шкаф так, чтобы батончик был виден издалека.

Саша пришел вовремя, уселся за парту, открыл родную речь и стал читать про лягушку-путешественницу.

– Э-то я п-ри-ду-ма-ла! Я п-ри-ду-ма-ла!

Мальчик читал так уныло, что можно было подумать, что история про лягушку-путешественницу самая грустная история на всем белом свете. И печальнее истории и не найти. Бедная лягушка! Прямо плакать хочется!

– Саша! Что же ты спишь на каждом слоге? Ты глазками быстрее води! Узнал слог, произносишь его, а сам глазками на следующий смотри! А лучше всего держи в поле зрения все слово! У тебя тогда дело быстрее пойдет! Если ты сегодня научишься бегло читать, я тебе кое-что подарю!

– Что?

– А подарок мой здесь, в классе, на виду. Посмотри внимательно!

Саша без всякого интереса стал оглядываться по сторонам. Все в классе было привычно. Крашенный пол был свежеемытым, за окнами стоял голубоватый сумрак, потому что уже вечерело, и солнце клонилось к закату, от протопленной печки веяло жаром, свет был уже включен и лампочки под потолком ярко освещали класс. В большом книжном шкафу за стеклянными дверцами ровными рядами стояли книги. А что там, на шкафу?

– «Баунти»! Это мне? Это мне? Точно мне?

– Тебе, но только батончик нужно заработать. Сосредоточься и прочти мне текст так быстро, как ты только можешь. Даже если ошибешься, я тебе не сделаю замечаний.

Саша сразу же воодушевился. Он широко открыл свои голубые глаза, набрал в легкие побольше воздуха, сосредоточился, сжал кулачки и... начал читать так быстро, что Зинаида Алексеевна едва успевала следить.

Читал Саша взахлеб, делал паузы в середине слов, чтобы перевести дыхание, но продолжал читать быстро. Стараясь получить желанный батончик – мечту он ещё и повышал голос с каждым предложением. В конце концов он стал выкрикивать слова текста. Когда он дочитал все до конца, он уронил голову на книгу и так сидел неподвижно минуты две.

– Получай свой желанный подарок, ты заслужил!

Саша тут же развернул батончик и откусил кусочек, а потом ещё и ещё.

– Вкусно?

– Очень!

– А теперь порадуй меня ещё, прочти мне начало вот этой сказки.

Зинаида Алексеевна открыла перед мальчиком книгу «Русские народные сказки».

У Саши сразу же изменилось выражение лица. Радостная улыбка мгновенно погасла, ребенок начал уныло читать.

– В не-ко-то-ро-м ца-р-с-т-ве, в не-ко-то-ро-м го-су-да-р-с-т-ве...

– Достаточно! Завтра в это же время я жду тебя. До свидания!

Голос у Зинаиды Алексеевны был таким странным! Каким-то скрипучим! Таким говорят роботы в мультфильмах. Почему она так с ним разговаривала? Саша недоумевал! А по дороге домой он догадался: наверное, учительница тоже «Баунти» хотела, а он не поделился! Да! Нехорошо получилось!

А о чем думала Зинаида Алексеевна, когда возвращалась домой, мы рассказывать не будем. Иногда нужно просто сделать вид, что ты ничего не слышишь, а если и слышишь, то не понимаешь. А если и слышишь и понимаешь – никому не расскажешь. Зачем выдавать чужие тайны, тем более если они такие неприятные?

Глава седьмая. Катастрофа

В деревне все обсуждали жгучую новость – Петя научился читать! Все хвалили Зинаиду Алексеевну, а старая бабушка Флёнушка сказала своей соседке не без ехидства:

– Глянь-ка, а ты говорила, чему может почтарка научить? Так, только время ведет до прихода Веры Васильевны. А оно вон как вышло! Научила даже Петю читать!

Все радовались за Петю, но больше всего радовался он сам. Когда он пришел домой, взял в руки газету и прочитал её заголовок, родители подумали, что ослышались. Теперь Петя ходил по деревне и демонстрировал всем желающим свое умение и читал вывески.

– Магазин. Товары повседневного спроса. Клуб.

Петя встречал в обед школьный автобус, и когда старшекласники выходили из него, он просил кого-нибудь дать ему книжки. Ему давали, и он читал.

– География. История.

Его дружно хвалили, и он смеялся своим странным смехом, задыхаясь и приседая.

Однажды, в начале марта стоял такой теплый денек, что кудринцы сняли, наконец, зимние одежды, достали сапоги и куртки, весенние платки и шапки и все равно ходили нараспашку. Так пригрело. Правда, было ветрено, но ветерок был ласковым и теплым, он нес дыхание весны, надежду на раннее пробуждение природы. Хозяйки достали ящики для рассады и приготовили семена. Настала пора сеять баклажаны и перец, а через недельку-другую можно высеивать и помидоры. Поля уже чернели огромными проталинами и ждали своих пахарей. Веселее гомонили лесные птицы, небольшими стайками перелетая с одного места на другое, и голуби, жившие на зерновом дворе, поднимались высоко в небо и устраивали там свои голубиные акробатические концерты. Лед на речке стал оттаивать у берегов, но середина Кудринки еще была закована его броней.

Школьный автобус не приехал точно по расписанию, он чуть запоздал, и Петя, подждавший его, немного устал, но он сразу же побежал к ребятам.

– Читать, читать!

Не успели ему добрые дети дать книги, чтобы Петя прочитал их названия, как вперед вышел шестиклассник Алеша Колычев и протянул Пете бумажку, на которой что-то было написано печатными буквами.

– Я – дурак.

Петя прочитал написанное громко и торжественно и привычно засмеялся.

Засмеялся громко Алеша, а больше не засмеялся никто. Над толпой спешащих в разных направлениях домой ребят нависла тишина. Зловещая тишина. Все дети остановились и повернулись к Алеше.

– Во, прикол! Да? Прикол? – хохотал Алеша.

Никто не сказал ни слова, и вдруг младшая сестра Алеша – пятиклассница Катя – закричала на всю улицу.

– Бессовестный, бессовестный! Как ты можешь так? Нашел над кем смеяться! Я вот маме расскажу! Маме расскажу! Она тебе даст!

Она побежала в магазин, в котором работала мама.

И все ребяташки всех возрастов закричали в один голос.

– Додумался до чего! Петю обижаешь! Что он тебе плохого сделал?

Один из десятиклассников схватил Алешку за воротник куртки и поднял высоко над землей.

– Дай ему хорошенько, дай ему горяченького! – кричали все вокруг.

Тут бы Алеша и поплатился за свою злую шутку, но за него вступился Петя. Он странно замычал, подбежал к Алеше, выхватил его у старшекласника и закрыл его собой.

– Ты его защищаешь, а не понимаешь, как он тебя обидел.

Петя замахнулся на старшеклассника крепко сжатым кулаком. Могла вспыхнуть драка. Но к детям уже бежали взрослые. Из магазина бежала мать Алеши, которую позвала Катя, со стороны школы бежала Зинаида Алексеевна, которая случайно увидела происходящее из окна. Проезжавший мимо Матвей Иванович тоже свернул с дороги и подъехал к детям. К детям торопливо шли все взрослые, которые оказались около магазина в этот час.

– Ты что? Ты почему? Ты зачем? – закричал отец сыну Пете.

– Ты что? Ты почему? Ты зачем? – закричала мать сыну Алеше.

– Вы что? Вы почему? Вы зачем? – закричала Зинаида Алексеевна всем детям.

– Не трогайте никого, это мой Алеша виноват! Катя, расскажи все, как было.

Катя рассказала.

– Так. Где эта записка? – спросила Зинаида Алексеевна.

Все стали искать полоску бумаги, но ветер уже унес её, как ненужный мусор и вволю поиграл с ней, то поднимая высоко над землей, то роняя вниз. Он мчал и мчал её подальше от этого места, пока сама полоска бумаги не запуталась прочно в ветках тополя, и не застряла там навсегда.

– Раз записку не нашли, все равно Алеша выходи на середину и говори громко при всех, что ты в ней написал.

– Я – дурак.

Алеша произнес слова почти шепотом. Все вокруг смотрели на него внимательно и серьезно. Никто не смеялся над его словами. Он стоял растерянно и не знал, что ему делать дальше. Он нашел взглядом мать, он искал у неё сочувствия, но она смотрела на сына отчужденно, сестра Катя и вовсе отвернулась.

– Простите его, люди добрые! – услышал вдруг Алеша голос своей прабабушки Фленушки.

Она вышла на середину круга и встала рядом с правнуком.

– Он не со зла, он такую шутку придумал. Думал народ развеселить. И ты нас прости, Матвей Иванович, и ты прости, Петенька!

Они стояли рядом – внук и прабабушка – и были одного роста, только разница в возрасте была велика – больше чем половина века.

Прабабушка взяла Алешу за руку и повела его прочь от разгневанных детей и взрослых, Матвей Иванович посадил Петю в машину и увез домой. Дети разошлись по домам, Зинаида Алексеевна вернулась в класс и неожиданно сказала первоклассникам.

– Не знаю, поймете ли вы меня сейчас, но даже если и не поймете, запомните, стыдно обижать тех, кто слабее тебя, и нужно уметь отвечать за свои поступки. Нужно жить деликатно. Это мне мама с папой всегда говорили.

Дети серьезно кивнули головами.

Зиночка вечером никак не могла заснуть. Она все думала и думала о том, что произошло днем, и ей было беспокойно. Как будто она что-то сделала не так. Что не так она сделала? Не нужно было бежать к детям, когда она увидела из окна, как старшеклассник взял за воротник куртки Алешу, и поднял его над землей, а Петя замахнулся на обидчика крепко сжатым кулачком?

Конечно нужно было, потому что ситуация была критической. Она бежала защищать Алешу от обидчика. Она на помощь Алеше бежала. А помогла она ему? Нет! Она наказала мальчика морально, а как ей хотелось смешаться с толпой девчонок и крикнуть старшекласснику, чтобы он дал Алеше чувствительный шлепок. А самому Алеше, что легче было стерпеть? Этот стыд-позор, когда он дрожащими губами перед всеми произнес слова, написанные в записке или физическую боль? Что бы было дальше, если бы взрослые не вмешались в отношения между школьниками?

Ничего хорошего! Нужна была детям помощь взрослых, но вот какая? Что они сделали не так?

Глава восьмая. Выход из сложной ситуации

Сомнения Зинаиды не рассеялись и утром, хотя известно, что оно – вечера мудренее. Так и прошел день с тяжестью на душе, а вечером к Зиночке постучалась бабушка Фленушка. Несмотря на преклонный возраст, она ходила быстро и семь верст для неё были не крюк.

– Здравствуй, дева! Пойдем ко мне, разговор есть, – сказала она прямо с порога.

– Сейчас?

– А то когда же? Правнук в школу не пошел, у меня он, домой тоже идти не хочет, переживает сильно. Беда! Надо мальчонке помочь беду избыть! У нас в роду злодеев никогда не было, да и в том роду, со стороны отца тоже не было. Не больно умные были, а злодеев не было. А Алешка прямо злодеем оказался. Оно, конечно, жизнь не проживешь, чтобы кого когда невзначай не обидеть, но на тот случай давно слово изобрели. Скажешь, «прости меня, я не со зла», и снимешь с души грех. А тут и я растерялась. У кого просить прощения? У Пети? Он не поймет. У родителей Петиных? Так я повинулась перед Матвеем Ивановичем, при всех повинулась. А мальчонка робеет. А тут ещё мамка, внучка моя, никак не успокоится. Нет, чтобы понять дитя свое, чтобы почувствовать, каково ему, так она криком кричит на него. От людей ей стыдно! Я такую жизнь прожила большую, всякого повидала, а такое первый раз приключилось. Я и решила всех собрать, чтобы посоветоваться. В ножки тебе кланяюсь, приходи правнучка из беды выручать.

Фленушка действительно поклонилась Зиночке.

– Бабушка, бабушка, зачем Вы так? Я сейчас же приду, сию минуту.

– Вот и ладно! А я Матвея Ивановича приглашу, да внучку свою призову. Все вместе и разберемся.

У бабушки Фленушки был удивительный дом. Это был первый дом в деревне. Именно с него она и начиналась. Когда-то он был новым, стоял на возвышенности, сверкал на солнце четырехскатной железной кровлей и радовал взгляд. Больше века дом прослужил людям. Народу в нем перебивало человек пятьдесят – не меньше. Вначале жила большая семья дедушки, потом его сын с женой и детьми свой век прожил, потом Фленушка своих детей поднимала в одиночку, потому что муж её с войны не вернулся, а четверо деток выросли на её руках, потом дочь с ней долго жила, пока не отделилась, оставив в доме внучку с мужем, но и они переехали недавно в новый дом, так что Фленушка одна осталась. Правнучек Петенька её не забывал. Он домой только ночевать ходил, а все остальное свободное от занятий время проводил у прабабушки.

Зиночка собралась быстро. Глянула на себя в зеркало, причесала свои густые черные кудри, повязала голову шарфом, а куртку одевала уже на ходу. Дверь она на замок не закрыла, а прикрыла плотно и веником подперла. Пусть знают, что её дома нет.

Совещание в доме Фленушки началось через полчаса. Когда все собрались в чисто убранной светлой половине дома за большим дубовым столом, начался трудный разговор. Алеша прятался в дальней комнате.

– Давайте серьезно разберемся в ситуации!

Матвей Иванович ни на кого не смотрел, а смотрел в окно.

– Не думал я, что чтение моего Петеньки такой бедой обернется. Мы с Аней так радовались, что он читать научился! Он сказки стал сам читать, карандашом печатными буквами слова пишет. У него даже взгляд стал другим. Мы с Аней и считать его стали учить, он простые числа складывает и отнимает. А как он сам радуется всему, как радуется! Может быть, он и приспособится к жизни понемногу. Мы же не вечные. А тут эта неприятность! Он никогда ни на кого руки не поднимал, а тут за Алешу заступаться стал. Неужели его в интернат сдать придется? Закрыть в специальном лечебном учреждении?

– Так уж и в интернат? Да что он такого сделал?

– Проявил агрессию. Нам медики всё время говорили, что если Петя проявлять агрессию станет, его нужно в интернат оформлять.

– Тогда уж и Алексея в интернат. Он тоже эту самую агрессию проявил.

– Мы не карать детей собрались, мы подумать собрались, как Алеше помочь вернуться в детский коллектив.

Пока взрослые горячо обсуждали, как найти выход из сложившейся ситуации, покосившаяся калитка во двор бабушки Флёнушки скрипнула, и ватага мальчишек стала подниматься на высокое крыльцо. Ребятишки громко постучали в дверь.

– Можно?

Не дожидаясь ответа, они один за другим вошли в дом, но чуть оробели, увидев собравшихся взрослых.

– Алеша дома? Алеша, ты чё в школу не приходил. Не заболел? Светлана Николаевна велела нам узнать.

– Нет.

– А раз не заболел, айда с нами в кино, нам разрешили, сегодня детский фильм. Сказка. «Синяя птица» называется. Можно и на вечерний сеанс. Айда?

– Я у мамы спрошу. Мама, можно в кино?

Взрослые переглянулись.

– Можно.

– Денег дай!

– Возьми в кошельке в кармане моей куртки. Да валенки переобуй. Куда в валенках? Ноги промокнут.

Мальчишки также шумно покинули дом вместе с Алешей, у которого вид был счастливым.

В сенях их догнала бабушка Фленушка.

– Накося вам тарочек в дорогу, я сегодня напекла.

Мальчишки угощение приняли, пробормотали слова благодарности и, пробуя на ходу стряпню, помчались к клубу.

Все взрослые помолчали некоторое время, а потом заговорила Зинаида Алексеевна.

– Я заметила, что взрослые всегда преувеличивают проблемы детей. Мы тут целый час придумывали варианты, как Алеше в коллектив вернуться. Прощение он должен попросить публично у Пети, или у ребят, или у Матвея Ивановича, или у всего мира. Переживали, что дети ему не простят. А сами дети уже забыли эту Алешкину выходку, он, как был для них другом, так другом и остался. Он глупость сделал, и ничего больше. Мне мама всегда говорила, что нужно шалость детскую от проступка отличать. Толкнул он кого-то нечаянно, порвал что-то, прошел с грязными ногами по чистому полу – это все шалости. А если он обманул, украл, не сделал нужное дело – вот тогда нужно принимать самые строгие меры. Самые строгие! Дети сами разобрались, а теперь разберемся мы. Нам нужно Алешу простить. Вам, Матвей Иванович, простить и забыть эту историю. Вам, тетя Нина, нужно простить сына, но не забывать эту историю, а быть настороже. Если ещё что-то такое повторится, значит у Алёши вырабатывается плохая черта характера. Но я думаю, что он не повторит ничего такого. Видите, как сам он все это сильно переживает. А Вы, бабушка Фленушка, самая мудрая из нас. Спасибо Вам за науку! Я никогда и никого из детей публично унижать не буду!

Взрослые попили чайку, поговорили о том, о сем и разошлись по домам успокоенные. Бабушка Флёнушка пошла всех провожать, Матвей Иванович уехал по делам, Нина заторопилась домой, а Зиночка чуть отстала.

– Как замуж пойдешь и своих детей в мир приведешь, ты их хорошими детьми вырастишь. Годы у тебя молодые, а ума – палата!

– Не пойду я замуж, и детей у меня не будет!

– Вон оно как! А что так?

– Разве Вы не знаете, что? У меня ведь родители карлики были. А вдруг у меня такие же дети будут?

– А ну-ка, воротись, дева, ко мне.

– Зачем?

– Воротись, воротись, разговор есть. Не думала я, что придется мне тебе это говорить, думала, что тайна эта со мной так и уйдет, её никто в мире не знает, да видно настала минута тайному явным становиться.

Зина вернулась в дом старушки в полном недоумении.

Бабушка прошлась по дому, заглядывая во все углы, нет ли лишних ушей, не воротился ли правнук? Нигде никого не было. Тогда, наклонясь к уху Зиночки, бабушка дрожащим шепотом сказала:

– Они тебе не родители.

– Как? – Зиночка ахнула.

– А вот так. У матери твоей живот как-то заболел, а я всех лечу, вот она и пришла ко мне за советом. Я ведь в деревне повитухой была, полдеревни мне в руки родились, я много понимаю. Осмотрела я твою мать и поняла, что она никогда не рожала. Не было у неё детей. Бездетная она. А про отца не могу сказать ничего точно, но тоже думаю, что он тебе не отец.

– А как же фамилия? А как же отчество?

– Ну, чего не знаю, того не знаю. Вижу, смутила я тебя, дева. Не собиралась я тебе выдавать чужую тайну. Прости меня, Ольга Алексеевна, золотой души женщина!

Бабушка подняла глаза к высокому потолку, как будто посмотрела на небо, повернулась к старинным иконам в углу и перекрестилась.

– А теперь ступай домой, да поразмысли над всем хорошенько! Да сорокам – соседкам твоим – ничего не говори! Разнесут мигом! У них чужая тайна не задержится. А ты попытайся узнать, кто ты и откуда. И не бойся семью завести. Дети у тебя будут хорошие!

Глава девятая. Тайна

Зина домой не пошла, а поплелась, а когда оглянулась на окна дома старушки, она увидела, что Фленушка отодвинула занавеску и пристально смотрит ей вслед.

Зиночка пришла домой, и долго сидела в темноте, не раздеваясь и не включая света. Это был её дом. Она знала в нем каждую половицу, каждый уголок, каждое окошечко! Это был типичный деревенский дом, стены которого были сложены из толстых бревен, уложенных горизонтальными рядами – венцами.

Он был деревянный, построенный без единого гвоздя, с помощью одного только топора. Дом был четырехстенный, но к нему были пристроены просторные сени из плах. Внутри дом не был весь оштукатурен, а только пазы между бревнами были промазаны глиной и закрыты дранкой. У дома была двускатная железная крыша, а гребень крыши был украшен жестяным петушком, который пел свою бесконечную утреннюю песню. В небольшой дверце, ведущей на чердак, вверху было выпилено маленькое оконце, а к нему прибита жердочка. Это было голубиное окошечко. На чердаке жили голуби. Кормиться они летали на зерновой двор, а зимой небольшая стайка ночевала на чердаке этого дома.

Зимними ночами можно было слышать особенные звуки. Голуби на крыше шуршали и негромко ворковали. Эти звуки убаюкивали Зиночку в детстве и успокаивали в юности. Правда, теперь голуби нашли пристанище в другом месте, потому что на чердаке поселился приبلудный кот Пронька.

К праздникам дом мылся весь. Мылись и скоблились некрашенные потолки и стены, а когда они высыхали, дом наполнялся каким-то особенным светом чистоты и смолистым благоуханием соснового леса, омытого дождем. И только половицы в доме были выкрашены золотистой охрой.

Дом был светлым. Свет лился через окна, которых в небольшом домике было семь. Окна смотрели на юг и на восток, а одно оконце выглядывало на улицу, на северную сторону. Окна прикрывались крепкими дубовыми ставнями, и они хранили тепло дома зимой и прохладу летом.

Внутри дом был устроен по старинке. Печь была сложена справа. Она отделяла от дома небольшое пространство, в нем располагалась кухня. Слева, за маленькой перегородочкой находилась комнатка, которая была мужским местом в доме. По диагонали от печки был угол, который назывался в давние времена «красным». Здесь была когда-то полка-божница, на которую ставились иконы. Полка сохранилась, но на ней вместо иконы стояла фотография родителей Зины. Не было в доме полатей, дощатых настилов вдоль стены, на которых в прежние времена спали обитатели дома. Их убрал отец за ненадобностью, но Зина помнила, как маленькой девочкой она забиралась на них и затаивалась там в их темной глубине, и родители искали её повсюду, а когда находили, так бурно радовались этому, что удивляли девочку.

Было в доме ещё одно таинственное место – подполье. Но туда Зину долго не пускали, говорили, что там живет домовый. У него глаза в темноте светятся, борода трясется, и он страшный. А когда он в подполье замерзнет, он перебирается к печке и прячется там в закутках. Его нужно оберегать и иногда оставлять ему ночью молока в блюдце и кусочек хлеба. Для него это главное лакомство. Если в доме любят домового, хозяйка добрая никогда не оставит немытую посуду на ночь. Если оставлять посуду, домовый может обидеться и уйти и унести счастье и удачу всех жильцов с собой.

Зина однажды в детстве оставила еду для дедушки домового. Утром блюдце было чистым, и хлеб исчез. После этого опыта Зина поверила в существование духа дома. Она стала оставлять угощение почаще. Однажды, Зина проснулась раньше обычного и увидела, как

молоко из блюда лакает кошка, а корочку мама подняла и положила в чугунок, где распаривался корм для поросенка.

– Все враки! – грустно сказала девочка за завтраком, – про домового все враки! И зачем взрослые детей обманывают?

Родители ничего не сказали ей в ответ, но мама странно вздрогнула тогда, и посмотрела на Зину испуганно. И промолчала.

У неё была семья: любящая мама и хороший, добрый, мудрый папа! Она была согрета любовью их сердец. Они жили для неё: кормили, одевали, обували, растили и заботились о ней. Она знала их всю свою жизнь. Не нужно верить в то, что они её обманывали в главном. Не такие они люди. Но они и не говорили ей ВСЕЙ правды. Они никогда не рассказывали ей о своем детстве, хотя она и спрашивала их.

– Расскажи мне, мама, как ты была маленькой? – просила Зиночка.

– Я всегда была маленькой, – отшучивалась мама.

– Расскажи, расскажи! – приставала Зина.

– Нечего рассказывать! Ничего хорошего не было!

Отец смотрел на неё строго и сердито, и Зиночка прекращала расспросы.

В доме ей было всегда тепло и уютно, а сейчас ей стало не по себе. Сидя в темноте, Зина вдруг вспомнила, что ей не давали в руки «Свидетельство о рождении». Даже тогда, когда она получала паспорт, с ней в райцентр поехала мама, она заполнила бланк на получение паспорта сама, а Зина только расписалась в нужном месте. Может быть этот документ откроет ей тайну её рождения? Нужно его найти!

– Мама мне не мама, а папа не папа!

Зина включила свет и стала лихорадочно искать свидетельство повсюду. Она заглянула в каждый уголок, просмотрела все книги на книжной полке, открыла все шкапулки, вытащила все ящики стола и перебрала все бумаги. В старом портфеле на нижней полочке лежали самые грустные бумаги – свидетельства о смерти родителей. Зиночка взяла их в руки и заплакала.

– Значит, вы мне не мама и папа? А кто же вы тогда мне? Чужие люди? Но этого не может быть! Не может быть лишь по той простой причине, что я на маму похожа! Вылитая мама! Все так и говорили, что я – мамина копия. Мы все носили одну и ту же фамилию. Отчество у меня Алексеевна, а так звали моего отца. Может быть бабушка Фленушка что-нибудь напутала? Или обманула меня? Придумала ложь в утешение на мои слова о том, что я не собираюсь становиться мамой?

Зина вспомнила серьезный взгляд старушки ей вслед. Завораживающий взгляд. Ей почему-то стало страшновато. Зина опять стала метаться по дому в поисках документа, и в это время послышались странные звуки! Что-то под окном громко хлопнуло и застучало, застучало в стену! Хорошо, что Зина так и не сняла куртку! Она выскочила во двор, испуганно посмотрела на дом и облегченно вздохнула. Это оконную ставенку сорвало ветром с крючка, и она, ничем не закрепленная, моталась от ветра из стороны в сторону и звенела оконным стеклом и громыкала по бревенчатой стене дома. Дом как-будто выражал протест против того, что его обыскивали. Он обиделся.

На следующий день утром Зина все думала и думала о разговоре с бабушкой Фленушкой и о тайне, нечаянно ей открытой. Её душевное равновесие было нарушено. Как так может быть? Мама ей не мама и папа выходит тоже не папа? Откуда тогда взялась её жизнь? Где её истоки? У большинства людей в этой жизни полная ясность. Вот мама, которая дала жизнь, вот папа, который эту жизнь охраняет и бережет. Вот родственники, которые любят тебя ни за что, а просто потому, что они – родня. Хорошо если есть у человека бабушки и дедушки, которые с невероятной силой уходящей жизни льют потоки своей нерастроченной любви на внуков и правнуков!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.